МИХАИЛ СВЕТЛОВ

ОХОТНИЧИЙ ДОМИК

СП

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

МОСКВА
1964

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

ОХОТНИЧИЙ ДОМИК

КНИГА НОВЫХ СТИХОВ

Р 2
С 24

Читатель! Перед тобой последняя книга недавно умершего поэта Михаила Аркадьевича Светлова. Ты раскроешь ее и узнаешь, что Михаил Светлов работал над ней до последних дней своей жизни, дополняя сборник новыми стихами.

Книга эта освещена улыбкой сердечного светловского юмора, она воспевает радость и величие нашей жизни, дружбу поколений, любовь и искусство.

Мы знаем, что эти стихи поэта полюбятся тебе, читатель. В них продолжается жизнь замечательного советского поэта, как продолжается она во многих других строках Светлова, издавна памятных нам.

Художник Л. Подольский.

ОХОТНИЧИЙ ДОМИК

Я листаю стихов своих томик,
Все привычно, знакомо давно.
Юность! Ты как охотничий домик,
До сих пор в нем не гаснет окно.

Вот, в гуманность охоты поверив,
Веря в честность и совесть мою,
Подошли добродушные звери.
Никого я из них не убью!

Не существованье, а драка!
Друг мой, гончая прожитых лет,
Исцарапанная собака,
Заходи-ка ты в мой кабинет,

Сколько прожил я, жизнь сосчитает.
И какая мне помощь нужна?
Может, бабочки мне не хватает,
Может, мне не хватает слона?

Нелегка моей жизни дорога,
Сколько я километров прошел!..
И зайчишку и носорога
Пригласил я на письменный стол.

Старость — роскошь, а не отрепье,
Старость — юность усталых людей,
Поседевшее великолепье
Наших радостей, наших идей.

Может, руки мои не напишут
Очень нужные людям слова,
Все равно, пусть вселенная дышит,
Пусть деревья растут и трава.

Жизнь моя! Стал солидным я разве?
У тебя как мальчишка учусь.
Здравствуй, общества разнообразие,
Здравствуй, разнообразие чувств.

1962

ГОЛОСА

Я за счастьем все время в погоне,
За дорогой дорога подряд.
Телевиденья быстрые кони
Бубенцами в эфире звенят.

Будто с самого детства впервые
Вижу я темно-синюю высь,
Где в обнимку летят позывные
И с романсами переплелись.

До чего же нам стали привычны
Голоса беспредельных высот!
Люди в небе живут как обычно —
Кто поет, кто на помощь зовет.

И возможно, что за небосклоном
Он живет среди звездных миров —
Не записанный магнитофоном
Околевшего мамонта рев.

Мы — живущие вместе на свете —
Разгадали не все чудеса.
И бредут от планеты к планете
Крепостных мужиков голоса.

И быть может, на всех небосклонах
Повторяются снова сейчас
Несмолкающий шепот влюбленных
И густой Маяковского бас.

Пусть звезда не одна раскололась,
Но понятный и вечно живой
С хрипотцой Циолковского голос
Не замолк на волне звуковой.

С детства не был силен я в науке;
Не вступая с учеными в спор,
Я простер постаревшие руки
В нестареющий синий простор.

Мне близки эти дальние звезды,
Как вот этот заснеженный лес...

Я живу, потому что я создан
Для людей, для земли, для небес.

Я хочу овладеть чудесами,
Что творятся в космической мгле,—
Небо полнится голосами
Тех, кто жил и любил на Земле.

1961

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

Как огородники гряду за грядкой,
Освоили мы тайны всех дорог.
Летит Гагарин. На него украдкой
Глядит скомпрометированный бог.

Я счастлив оттого, что есть орбита,
Что я подвижен и что я кручусь,
Что я земной, друзьями не забытый
И в очереди к счастью нахожусь.

В чем же судьба моя, судьба поэта?
Мне кажется, что я незаменим,
Мне кажется,— подписаны планеты
Великолепным росчерком моим.

Мне эта ситуация знакома,—
В теченье долгом трудового дня
Из космоса, как из родного дома,
Товарищ русский смотрит на меня.

Как хороша ты, звездная дорога!
Летит Гагарин. Он устал чуть-чуть,
И перед ним торжественно и строго
Блестит кремнистый лермонтовский путь.

1962

СОВЕТСКИЕ СТАРИКИ

Ольге Берггольц

Ближе к следующему столетью,
Даже времени вопреки
Все же ползаем по планете
Мы, советские старики.

Не застрявший в пути калека,
Не начала века старик,
А старик середины века,
Ох, бахвалиться он привык:

— Мы построили эти зданья,
Речка счастья от нас течет,
Отдыхающие страданья
Здесь живут на казенный счет.

Что сказали врачи — не важно!
Пусть здоровье беречь велят...
Старый мир! Берегись отважных
Нестареющих дьяволят!..

Тихий сумрак опочивален —
Он к рукам нас не приберет...
Но, признаться, весьма печален
Этих возрастов круговорот.

Нет! Мы жаловаться не станем,
Но любовь нам не машет вслед —
Уменьшаются с расстояньем
Все косынки ушедших лет.

И, прошедшее вспоминая
Все болезненней и острей,
Я не то что прошу, родная,
Я приказываю: не старей!

И, по-старчески живописен,
Завяжу я морщин жгуты,
Я надену десятки лысин,
Только будь молодою ты!

Неизменно мое решенье,
Громко времени повелю —

Не подвергнется разрушенью,
Что любил я и что люблю!
Не нарочно, не по ошибке,
Не в начале и не в конце
Не замерзнет ручей улыбки
На весеннем твоем лице!

Кровь нисколько не отстучала,
Я с течением лет узнал
Утверждающее начало,
Отрицающее финал.

Как мы людям необходимы!
Как мы каждой душе близки!..
Мы с рожденья непобедимы,
Мы — советские старики!

1960

ПАВЛУ АНТОКОЛЬСКОМУ

Ко дню рождения

Пусть я прожил немалые годы,
Я мальчишеский пыл берегу,
Я считаю, что цель пешехода —
Спотыкаться на каждом шагу.

Будем жить нашей жизнью давнишней,
Будем радоваться и горевать
И по-прежнему звезды, как вишни,
За забором Вселенной срывать.

Нет! Не выцвело старое знамя,
Прикрепленное к стременам!
Наклоняется время над нами,
Гладит лысые головы нам.

Нет! Дыханьем спокойным и ровным
Мы не дышим! Пожар не утих.
Пусть мелькают желания, словно
Рубашонки ребят озорных!

Я люблю воспаленные ночи
Над моей, над твоей головой,
Я люблю тебя очень,— короче —
Поздравляю тебя, дорогой!

1961

ЖЕЛАНИЕ

Марку Шехтеру

Все желанья собрал я в охапку,
Всё послушно, покорно мне.
И звезда стоит на задних лапках
В широко распахнутом окне.

Разве чужды мне цветы живые?
Разве я рациональным стал?
Я-то колокольчики степные
Не переливаю на металл.

Пусть же будет лепестками песни
Многократно шар земной обвит,
Пусть она в загадки поднебесья
С космонавтом третьим полетит.

Устремленная к далеким сферам,
На земле беседуя с детьми,
Пусть она идет людским размером,
Пусть она рифмуется с людьми.

Пусть она, как люди, без простоя
Продолжается, как начата...
Вот мое желание простое,
Вот моя давнишняя мечта!

1961

ИСКУССТВО

Венера! Здравствуй! Сквозь разлуки,
Сквозь лабиринты старины
Ты мне протягиваешь руки,
Что лишь художнику видны.

Вот локоть, пальцы, тонкий ноготь,
Совсем такой, как наяву...
Несуществующее трогать
Я всех товарищей зову.

Сквозь отрочество, сквозь разлуки,
Сквозь разъяренный динамит
Мечта протягивает руки
И пальчиками шевелит.

Зовет: «Иди ко мне поближе,
Ты не раскаешься, родной!
Тебя с собой я рядом вижу
На фотографии одной —

На красном фоне канонады,
На черном — прожитых ночей
И на зеленом фоне сада
В огне оранжевых лучей.

Давай с тобою вместе будем!
Сквозь кутерьму идущих лет
Давай с тобой докажем людям,
Что есть мечта и есть поэт!»

1957

РАЗГОВОР

Ты — любовь моя!
Ты — перевертень ума,
Ты — как лето на саночках,
Как в веснушках зима.

Нет! Не в сказочной обуви,
Нет, не в туфельках Золушки,
Не в огнях городов,
Не в мерцанье села,
Не в сиянье реклам,—
По дорогам проселочным
В тихих тапочках стоптанных
Ты торжественно шла.

Я мечтал о тебе,
Отправляясь в дорогу,
Я искал тебя —
Девушку-недотрогу.

Пусть мне будет
От вдохновения жарко —
К медсанбату в пути,
В обгоревшем лесу,
Я любовь —
Эту раненую санитарку,—
Может быть, донесу,
Может, не донесу.

Как мне быть?
До сих пор я не принял решенья...
Неужели с годами
Погиб мой запал?
Не по площади бить,
А по точной мишени!
Кто поможет проверить —
Попал, не попал?

Были юными,
Стали согбенными плечи,
Все же тяжести новой
Смиренно я жду.
Ты на месте не стой,

Ты пойди мне навстречу,
Все мне кажется —
Сам я вовек не дойду.

Мы уступок
У нашей любви не просили,
Нам соблазны
Не изменили маршрут...
Молодежь не поймет
Наших грустных усилий,
Постаревшие люди,
Быть может, поймут.

1963

* * *

Никому не причиняя зла,
Жил и жил я в середине века,
И ко мне доверчивость пришла —
Первая подруга человека.

Сколько натерпелся я потерь,
Сколько намолчались мои губы!
Вот и горе постучалось в дверь,
Я его как можно приголубил.

Где-то рядом мой последний час,
За стеной стучит он каблуками...
Я исчезну, обнимая вас
Холодеющими руками.

В вечность поплывет мое лицо,
Ни на что, ни на кого не глядя,
И ребенок выйдет на крыльцо,
Улыбнется: — До свиданья, дядя!

1962

БЕССМЕРТИЕ

Как мальчики, мечтая о победах,
Умчались в неизвестные края
Два ангела на двух велосипедах —
Любовь моя и молодость моя.

Иду по следу. Трассу изучаю.
Здесь шина выдохлась, а здесь прокол,
А здесь подъем — здесь юность излучает
День моего вступленья в комсомол.

И к будущему выходя навстречу,
Я прошлого не скидываю с плеч.
Жизнь не река, она — противоречье,
Она, как речь, должна предостеречь —

Для поколенья, не для населенья,
Как золото, минуты собирай
И полновесный рубль стихотворенья
На гривенники ты не разменяй.

Не мелочью плати своей отчизне,
В ногах ее не путайся в пути
И за колючей проволокой жизни
Бессмертие поэта обрети.

Не бойся старости. Что седина — пустое!
Бросайся, рассекай водоворот,
И смерть к тебе не страшною, простою,
Застенчивою девочкой придет.

Как прожил ты? Что сотворил? Не помнишь?
И все же ты не даром прожил век —
Твои стихи, тебя зовет на помощь
Тебя похоронивший человек.

Не родственник, ты был ему родимым,
Он будет продолжать с тобой дружить
Всю жизнь, и потому необходимо
Еще настойчивей, еще упрямей жить.

И новый день встречая добрым взглядом,
Брось неподвижность и, откинув страх,
Поэзию встречай с эпохой рядом

На всем бегу,
На всем скаку,
На всех парах.

И, вспоминая молодость былую,
Я покидаю должность старика,
И юности румяная щека
Передо мной опять для поцелуя.

1957

ЧУВСТВА В СТРОЮ

Любовь — не обручальное кольцо,
Любовь — это удар в лицо
Любой несправедливости!
И в этом
Я убедился, будучи поэтом.

О дружбе возглашают не фанфары,
А двух сердец согласные удары,
И, скромное, ты не трубишь призывно,
О благородство,— ты конспиративно.

Я убеждаю всех без всякой меры,
Что чувства наши — не пенсионеры,
Они со мной — солдатами в строю,
И я — поэт — им звания даю.

Какое чувство сделать генералом?
Такое, что заботится о малом,
Такое, что истратило все средства,
Конфетами одаривая детство...
Но как же я оставлю без вниманья
Моих старшин — мои воспоминанья?

Воспоминания! Со мной вы жили-были,
Но пионеры в горны затрубили,
И вижу я уже не день вчерашний,
А будущее, словно флаг на башне.

1958

НА РАССВЕТЕ

Солнце встало,
Банальной проходит тропой,—
Свечка господа бога
Опять зажжена над землей,
Все деревья и солнце,
И все соловьи,
И все жаворонки —
Это все коммунисты мои!

Если б не было Ленина,
Что бы делать я стал?
Я бы юностью
Юность свою не считал,
А сейчас своей силой

Мне трудно владеть —
Ну куда же мне деть ее?
Куда ее деть?

Пригодись, моя сила,
Для слабых людей,
Пригодись, мое сердце,
Для светлых идей.
Пригодись молодым,
Мое множество лет,
Пригодись, пригодись,
Пригодись, мой рассвет!

1963

СЛОВО

О, вдохновение рожденья!
Мне с ним знакомиться дано,
Ко мне является виденье:
«Я — слово,— говорит оно.

Везде я. В городе и в поле,
Могу шутить, могу всерьез.
Я — слово! И меня в подполье
С любовью Ленин произнес.

Я — слово. Дружат все со мною.
Я — человека впереди...»
О, слово русское, родное,
Ко мне почаще приходи!

С тобой и в горе и в веселье
Хочу всегда я рядом быть,
И опьяненье, и похмелье,
И землю с небом ощутить.

Пойду навстречу, а не мимо,
Будь это проза или стих.
Мне слово так необходимо
В кругу товарищей моих!

1963

* * *

Мне неможется на рассвете,
Мне б увидеть начало дня...
Хорошо, что живут на свете
Люди, любящие меня.

Как всегда, я иду к рассвету,
И, не очень уж горячи,
Освещают мою планету
Добросовестные лучи.

И какая сегодня дата,
Для того чтоб явилась вновь
Похороненная когда-то,
Неродившаяся любовь?

Не зовут меня больше в драку,—
Я — в запасе, я — просто так,
Будто пальцы идут в атаку,
Не собравшиеся в кулак.

Тяжело мне в спокойном кресле,
Старость, вспомнить мне помоги,—
Неужели они воскресли,
Уничтоженные враги?

Неужели их сила тупая
Уничтожит мой светлый край?
Я-то ладно, не засыпаю,
Ты, страна моя, не засыпай!

В этой бешеной круговерти
Я дорогу свою нашел,
Не меняюсь я, и к бессмертью
Я на цыпочках подошел.

1963

НИНЕ

Я клянусь тебе детской мечтою,
Взрослым подвигом, горем земли —
В мире самой счастливой четою
Мы с тобою прожить бы могли.

Мне узнать бы любовь хоть на ощупь,
Только контуры где-то видны,
И как будто в осеннюю рощу
Я вошел в середине весны.

Нам бы счастье свое не прохлопать,
Я к любым испытаньям готов...
До чего надоедлива копоть
Мной еще не зажженных костров.

Как о хлебе, мечтаю о чуде,
Я хочу, чтобы в годы мои
Соловьи запевали, как люди,
Чтоб запели мы, как соловьи.

С молодой, ненасытною жаждой
Мне, наверно, понять не успеть,
Что обязанность зелени каждой —
К дням осенним вовсю зажелтеть.

Отвечайте, прошедшего тени,
Для чего я на свете живу?
В листопад самый гнусный, осенний
Возвращаю деревьям листву.

За столом засиделся я поздно.
Небо в звездах, и космос висит.
И не бабушкой старой береза,
А девчоночкой светлой стоит.

Я шагаю с открытой душою,
Комсомольцы идут впереди,
Все — и маленькое, и большое —
Прижимая к широкой груди.

Дни свои я тобою украшу.
Еле слышно меня позови,
И вдвоем, как на родину нашу,
Возвратимся мы к прежней любви.

1963

ГОСТЬ

Не поверят — божись не божись,—
У меня, говорю без обмана,
Для подарков людям всю жизнь
Оттопыривались карманы.
Прав, неправ я — наверно, решит
Старый турок Гарун-аль-Рашид.

Он ко мне, обалдев с непривычки,
Едет в гости на электричке.
Он приехал и ждет на вокзале —
Мне об этом в киоске сказали.

Он столетия пробыл в пути,
На него современность накинется,

И задача моя — привезти
Человека из сказки в гостиницу...

Спит столица в предутренней мгле,
Спит старик телефон на столе,
Спят гостиницы все этажи...

Ну-ка, милый, давай расскажи,
Расскажи мне, что слышно на свете
И поют ли еще соловьи?
Что дарил ты и взрослым и детям?
Как продолжил ты сказки мои?

Как шагал ты по сказочным странам,
Что писал ты и что прочел?
Указал ты путь великанам?
Быть полезным учился у пчел?
Так коснуться бумаги ты смог,
Чтобы пахла она, как цветок?

Как я жил? Что я делал на свете?
Смог ли сказку я в быль превратить?
Не могу я на это ответить,
У читателя надо спросить!

1961

МОЯ ПОЭЗИЯ

Нет! Жизнь моя не стала ржавой,
Не оскудело бытие...
Поэзия — моя держава,
Я вечный подданный ее.

Не только в строчках воспаленных
Я дань эпохе приношу,—
Пишу для будущих влюбленных
И для расставшихся пишу.

О, сколько мной уже забыто,
Пока я шел издалека!
Уже на юности прибита
Мемориальная доска.

Но все ж дела не так уж плохи,
Но я читателю знаком —
Шагал я долго по эпохе
И в обуви и босиком.

Отдался я судьбе на милость,
Накапливал свои дела,
Но вот Поэзия явилась,
Меня за шиворот взяла,

Взяла и выбросила в гущу
Людей, что мне всегда сродни:
— Ты объясни, что̀ — день грядущий,
Что̀ — день прошедший,— объясни!

Ни от кого не обособясь,
Себя друзьями окружай,
Садись, мой миленький, в автобус
И с населеньем поезжай.

Ты с ним живи и с ним работай
И подними в грядущий год
Людей взаимные заботы
До поэтических высот.

И станет все тебе понятно,
И ты научишься смотреть,

И если есть на солнце пятна,
Ты попытайся их стереть.

Недалеко, у самой двери,
Совсем, совсем недалеко
События рычат как звери,
Их укротить не так легко!

Желание вошло в привычку —
Для взрослых и для детворы
Так хочется последней спичкой
Зажечь высокие костры!

И, жаждою тепла влекомы,
К стихотворенью на ночлег
Приходят все — и мне знакомый
И незнакомый человек.

В полярных льдах, в кругу черешен,
И в мирной жизни, и в бою
Утешить тех, кто не утешен,
Зову Поэзию мою.

Не постепенно, не в рассрочку
Я современникам своим
Плачу серебряною строчкой,
Но с ободочком золотым...

Вставайте над землей, рассветы,
Струись над нами, утра свет!..
Гляжу на дальние планеты —
Там ни одной березы нет!

Мне это деревцо простое
Преподнесла природа в дар...
Скажите мне — ну что вам стоит! —
Что я еще совсем не стар,

Что жизнь, несущаяся быстро,
Не загнала меня в постель
И что Поэзия, как выстрел,
Гремела, била точно в цель!

1957

СЧАСТЬЕ

Попробуйте голос у птицы
Отнять беспощадно с утра,
Заре прикажите явиться
Без золота и серебра —

Не выйдет! Ни в чьей это власти!
В условиях трудных любых
Сопротивляется счастье
И насмерть стоит за живых.

Любую мечту поддержу я,
Я буду за праздник людской
Стрелять, как стреляли в буржуя
Матросы... Да кто ж я такой?

Чудак, неизменно веселый,
Иду по широкой стране,
Волшебною цепью тяжелой
Привязано счастье ко мне.

Богат я! В моей это власти —
Всегда сочинять и творить,
И если не радость и счастье,
То что же мне людям дарить?

Богат я своею страною,
Она мои судьбы вершит,
Ну что по сравненью со мною
Какой-то Гарун-аль-Рашид?

Поэт, добывающий счастье,
Иду я в пути не один —
Советского подданства мастер,
Хозяин волшебных долин.

1962

РАЗГОВОР С ДЕВОЧКОЙ

Тянется собранье, длятся пренья...
И когда оратор говорит,
Я вижу — на краю стихотворенья
Заплаканная девочка стоит.

Что ты плачешь при советской власти?
Нет капитализма и следа...
Вот тебе халва, другие сласти,
Вот игрушки... Подойди сюда.

Что, тебе не нравится планета?
Все ее сумбурные дела?
Ты когда-нибудь бывала в гетто?
Негритянкой тоже не была?

Ладно, плачь, но только плачь потише,
Не мешай собранию идти...
Знала ты крестьянских ребятишек?
Горестные русские пути?

Деревенек серую холстину?
Пастушат большую хворостину?
Может быть, к нам в двери постучат
Хворостины этих пастушат.

И тогда расскажут нам ребята
О судьбе солдатки без солдата,
Как ей было целый день темно,
Детство — старость: ей ведь все равно!

Каждый быть неколебимым должен!..
(Это все оратор, а не я.)
Ну а мы свой разговор продолжим,
Девочка ревучая моя.

Как зовут тебя? Любовь Петровна?
Сколько лет тебе? Пожалуй, пять.
Я тебе мечтаю хладнокровно
О своих мечтаньях рассказать.

Мне б сейчас возиться с голубями...
Жизнь прошла, наверное... Она,
Вдоволь нагруженная скорбями,
Поздними раздумьями полна...

На собранье девочка рыдает...
Не довольно ли? Пора домой.
Там тебя весь вечер ожидает
Твой отец — он современник мой.

Ты это что? Обиделась за папу?
Не довольно ли тебе реветь?
Жизнь идет на нас, как косолапый,
Добрый и обиженный медведь.

Вот осиротели медвежата,
Вот охотники стреляют вновь...
К сердцу моему навек прижата
К детству беззащитная любовь.

Детство без забот и без зарплаты,
Детство, полное наивных слез,
Снова над украинскою хатой
Облачком весенним поднялось.

А потом оно сгустилось в тучу,
Разразилось громом и грозой,
А потом упало неминучей
Светлой человеческой слезой.

Наша современность разметала
Прошлого Охотный ряд...
Колокольчики — цветы не из металла —
До сих пор в душе моей звенят...

Снова плачешь... Это безобразье!
Смело дедушкой меня зови —
У меня оборваны все связи
С дрейфующею станцией любви.

Другие там раскинуты палатки,
Другие наступили неполадки...
Другие? Нет! Я все еще люблю,
Своей любви другим не уступлю!..

Поплачь еще немножко — мне охота
Пооткровенничать с самим собой,
Я очень терпеливо жду кого-то,
Кто бы поднялся над моей судьбой.

Пусть это только будет... Ожиданье
Со мной уже давно, как наважденье.
Как хорошо в конце своих блужданий,
Как в юности, любить свой день рожденья!..

Ты понимаешь, что все это значит?
Довольно медлить! Надобно творить...
Я замолчал. И девочка не плачет.
Оратор продолжает говорить.

1957

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Молодежь! Ты мое начальство —
Уважаю тебя и боюсь.
Продолжаю с тобою встречаться,
Опасаюсь, что разлучусь.

А встречаться я не устану,
Я где хочешь, везде найду
Путешествующих постоянно
Человека или звезду.

Дал я людям клятву на верность,
Пусть мне будет невмоготу.
Буду сердце нести как термос,
Сохраняющий теплоту.

Пусть живу я вполне достойно,
Пусть довольна мною родня —
Мысль о том, что умру спокойно,
Почему-то страшит меня.

Я участвую в напряженье
Всей эпохи моей, когда
Разворачивается движенье
Справедливости и труда.

Всем родившимся дал я имя,
Соглашаются, мне близки,
Стать родителями моими
Все старушки и старики.

Жизнь поэта! Без передышки
Я все время провел с тобой,
Ты была при огромных вспышках
Тоже маленькою зарей.

1961

ЯМЩИК

Посветлело в небе. Утро скоро.
С ямщиком беседуют шоферы.

«Времечко мое уж миновало...
Льва Толстого я возил, бывало,
И в моих санях в дороге дальней
Старичок качался гениальный...»

«Пушкина возил?» —
«Возил, еще бы!..
Тьма бессовестная, снежные сугробы,
Вот уже видна опушка леса
Перед самой пулею Дантеса...»

«А царя возил?» —
«Давно привык!
Вся Россия видела когда-то —
Впереди сидит лихой ямщик,
Позади трясется император...»

«Ты, ямщик, в романсах знаменит...»
И ямщик «спасибо» говорит,
Он поднялся, кланяется он —
На четыре стороны поклон.

Он заплакал горькими слезами,
И шоферы грязными платками,
Уважая прежние века,
Утирают слезы ямщика.

Шляется простудная погода,
В сто обхватов виснут облака...
Четверо людей мужского рода
До дому довозят ямщика.

И в ночи и темной и безликой
Слушают прилежно вчетвером —
Старость надрывается от крика,
Вызывает юности паром...

Ловкий, лакированный, играючи
Мчит автомобиль во всей красе,

Химиками выдуманный каучук
Катится по главному шоссе...

Слышу я сквозь времени просторы,
Дальний правнук у отца спросил:
«Жил-был на земле народ — шоферы,
Что за песни пел? Кого возил?»

1959

ПЕСЕНКА СТАРОГО ТАКСИСТА

Вся жизнь моя — тяжелая проверка
Моих уже кончающихся сил.
Я молодых возил и в загс, и в церковь,
И, боже мой, куда еще возил.

Да, я таксист. Пути мои безмерны.
И каждый дальний путь мне недалек.
Вам кажется, я счастлив? Нет, неверно.
Моя трагедия — зеленый огонек.

Мне кажется, судьба мне приказала,
В пути не отдыхая никогда,
Нестись к осточертевшему вокзалу,
Откуда к счастью ходят поезда.

Да, я таксист. Пути мои безмерны.
И каждый дальний путь мне недалек.
Вам кажется, я счастлив? Нет, неверно.
Моя трагедия — зеленый огонек.

Везу людей и в холод и в ненастье.
Мне без людей немыслимо прожить.
Шоферы все чуть-чуть, немного счастья
Хотят у пассажиров одолжить.

Да, я таксист. Пути мои безмерны.
И каждый дальний путь мне недалек.
Вам кажется, я счастлив? Нет, неверно.
Моя трагедия — зеленый огонек.

Мне не страшны далекие маршруты,
Но все же я истратил много сил.
Усталость есть, друзья, и я как будто
Все возрасты людей перевозил.

Да, я таксист. Пути мои безмерны.
И каждый дальний путь мне недалек.
Вам кажется, я счастлив? Нет, неверно.
Моя трагедия — зеленый огонек.

1963

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА

Ходят грустной парою
Комсомольцы старые.
Как горел их жадный взгляд
Ровно сорок лет назад!

А земля березовая,
А земля сосновая,
А земля вишневая,
А земля рябиновая,
А земля цветет!

Друг погиб под Выборгом,
А в друзьях нет выбора.

Грустно стариться теперь
Только в обществе потерь.

Я прошу вас всеми чувствами:
Никогда не будьте грустными!
Это в старости, друзья,
Привилегия моя.

По земле, накрытой зеленью,
Ходит, ходит население,
Ходит в поле и в лесу,
Я ответственность несу.

А земля березовая,
А земля сосновая,
А земля вишневая,
А земля рябиновая,
А земля цветет!

1963

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Разрушены барьеры ночи темной...
Рассвет какой, как все огромно!
Как будто неба тихий океан
Упал на Тихий океан.

Кончается моя ночная сказка.
Земля под синим пологом легла,
Но вот уж фиолетовая краска
Как школьница бежит через луга.

Все спящие сейчас вот-вот проснутся,
Лучи нещадно небо теребят.
Они бегут, они ко мне несутся
Ватагою оранжевых ребят.

Бегут лучи, мои родные дети.
Они моя давнишняя семья.
Со всеми красками дружу я на рассвете,
И на закате с ними буду я.

Не для пустого времяпровожденья
Я пробивался сквозь обвалы туч,
И для тебя в твой светлый день рожденья
Я выбираю самый лучший луч.

1961

* * *

Живого или мертвого
Жди меня двадцать четвертого,
Двадцать третьего, двадцать пятого —
Виноватого, невиноватого.
Как природа любит живая,
Ты люби меня не уставая...
Называй меня так, как хочешь:
Или соколом, или зябликом.
Ведь приплыл я к тебе корабликом —
Неизвестно, днем или ночью.
У кораблика в тесном трюме
Жмутся ящики воспоминаний
И теснятся бочки раздумий,
Узнаваний, неузнаваний...
Лишь в тебе одной узнаю
Дорогую судьбу свою.

1961

* * *

Все ювелирные магазины —
они твои.
Все дни рожденья, все именины —
они твои.
Все устремления молодежи —
они твои.
И смех, и радость, и песни тоже —
они твои.
И всех счастливых влюбленных губы —
они твои.
И всех военных оркестров трубы —
они твои.
Весь этот город, все эти зданья —
они твои.

Вся горечь жизни и все страданья —
они мои.
Уже светает.
Уже порхает стрижей семья.
Не затихает,
Не отдыхает любовь моя.

1960

ПИСЬМО

К моему смешному языку
Ты не будь жестокой и придирчивой,—
Я ведь не профессор МГУ,
А всего лишь
Скромный сын Бердичева.

Ты меня хотя бы для приличья
Выслушай, красивая и шустрая,
Душу сквозь мое косноязычье,
Как тепло сквозь полушубок,
Чувствуя.

Будь я не еврей, а падишах,
Мне б, наверно, делать было нечего,

Я бы упражнялся в падежах
Целый день —
С утра до вечера.

Грамматика кипела бы ключом!
— Кого — чего...
— Кому — чему...
— О ком — о чем...

Вот ты думаешь, что я чудак:
Был серьезен,
А кончаю шуткой.
Что поделать!
Все евреи так —
Не сидят на месте
Ни минутки.

Ночь над общежитием встает
И заглядывает в эти строки.
Тихо-тихо по небу плывет
Месяц, как Спиноза одинокий.

Эта ночь, я знаю, отдалила
Силача Самсона от Далилы.
Как же мне от этих чувств сберечь
Тихий голос мой
И слабость плеч?

Месяцы идут,
Проходит лето,
И о том, что молодость уйдет,
Комсомольский маленький билет мой
Каждым членским взносом вопиет.

Меланхолик на твоем пути,
Я стою задумчивый и хмурый,
Потому что бицепсы мои
Далеко не гордость физкультуры.

Мы с какой угодно стороны
Несоединяемые части:
Я — как биография страны,
Ты — ее сегодняшнее счастье.

Извини мне темперамент мой,
Я насчет любви глухонемой,
Просто ветер мчался по стране,
Продувая горлышко и мне.

Ночь над общежитием стоит,
Дышит теплым запахом акаций.
Спят рабфаковцы...
И лишь один не спит —
Это я, как можешь догадаться...

1929

ПЕСЕНКА ДВУХ ВЕДЬМ

Из пьесы

Каждый день и каждый час
Трепещите, бойтесь нас:
Ведь мы —
Ведьмы!

Нас боится вся страна
От мышонка до слона,—
Ведь мы —
Ведьмы!

Укусить мы можем так,
Как две тысячи собак,
Ведь мы —
Ведьмы!

Чтоб не грянула беда,
Избегайте нас всегда,
Ведь мы —
Ведьмы!

Пятью пять — сто двадцать пять,—
Вот как учим мы считать,
Ведь мы —
Ведьмы!

Счет у нас особый есть —
Шестью шесть — сто тридцать шесть:
Ведь мы —
Ведьмы!

Как печально, черт возьми,
Что мы не были детьми!
Ведь мы —
Ведьмы!

Люди борются со злом,
Победят — и мы умрем:
Ведь мы —
Ведьмы!

1962

НА ПАРНАСЕ

Парнаса слава сто веков жива,
Но пастбища его хиреют час от часу.
Растет безвитаминная трава,
Пасутся рахитичные Пегасы.

Я полз к Парнасу, не жалея сил,
И внес свой рубль в стихотворений кассу,
И стал романтиком, когда я накормил
Земным овсом небесного Пегаса.

Живая кровь не застоится в венах.
Абстракция нас не сведет с ума.
Для женщин, не для манекенов
Построены родильные дома.

И соловей в тиши куста ночного
Всем людям очень просит передать:
«Когда я не живой, а нарисован,
Какого пенья можно ожидать?»

1963

ЗДРАВИЦА

Всю жизнь имел я имя, отчество,
Растил сознание свое...
Поверь, товарищ, так не хочется
Переходить в небытие.

Не то чтоб, возрастом преклонное,
Мне тело жаль земле отдать,—
Предметы неодушевленные
Я так люблю одушевлять!

Несется лодка по течению,
В ней рыбаки плывут домой...
Напишешь песню-сочинение —
Река становится живой!

А темный лес? Заставим старого
Поверить в наши чудеса:
Певуче будут разговаривать
Полезащитные леса.

В частушке воину отказывать?
Она удобна и проста,
Ее не чистить и не смазывать,—
Она душевна и чиста.

Не рукописью в старом шкапике,
Не у Истории на дне —
Несись, моя живая капелька,
В коммунистической волне!

Друзья мои! Поднимем здравицу
За все, что нужно молодым,
Что без стихов ни с чем не справиться
И что поэт необходим!

1952

УКАЗАНИЕ

Указанье пришло на заре,
Чтоб без премий, без всякого жалованья
Сделать всю детвору на дворе
Капитанами дальнего плаванья.
Некрасивого сделать красивым
И несчастного — самым счастливым.

Кто шумит за чужими дверьми?
Почему вдруг заплакали дети?
Беспокоиться вместе с людьми —
Нет профессии лучше на свете!
Может быть, я сочувствую слишком?
Разве можно мне быть ни при чем,
Если рядом безногий парнишка
Загрустил над футбольным мячом?

Ни за что я не стану лениться,
И в желаньях своих не утих —
Я хочу, чтоб исчезли больницы
За огромной нехваткой больных.

Указанье является днем,—
Побеждать не мечом и огнем —
Только словом, стихом и теплом.

Может быть, вы меня не поймете,
Это стих вам навстречу спешит,
Будто женщина-врач в самолете
Над Чукоткой к больному летит.

Так несите ж меня, указанья,
Как стремительный водопад!
(Обернулся я — воспоминанья
Как застывшие волны стоят.)

Неужели ты, воображенье,
Как оборванное движенье?
Неужели ты между живых —
Как в музее фигур восковых?

Не силен я, не хвастаюсь мощью,
Но — свидетель бессонных ночей —
Здравствуй, сказка! Ты — верный помощник
При созданье реальных вещей.

Указание ночью пришло
(Календарь изменяет число),
Я трудился весь день, я устал,
Указания я не слыхал.

Но ребятки в предутренний час
Вновь со мною поделятся планами:
«Дядя Миша! Ты сделаешь нас
Хоть какими-нибудь капитанами?»

1958

СПИЧКА

Неотвязчива сила привычки,
Бесконечно манит тепло...
Огонек скучает по спичке,
Огоньку без нее тяжело.

Я шагаю за строчкой певучей,
Я вхожу в заповедник чудес,
Одиночество падает тучей
На покинутый лешими лес.

И стоит среди леса осина,
Ей на спички пойти предстоит.
Как пристанище блудного сына,
Беспроходная чаща шумит.

Я желаю и присно и ныне
Быть родителем огоньков.
Я желаю подобно осине
В сотни втиснуться коробков.

Чтоб носили меня, зажигали,
Чтобы я с человечеством был,
Чтоб солдат на коротком привале
От меня, от меня прикурил...

А березы стоят как принцессы,
Не отводят от солнышка глаз...
Трудовые проходят процессы.
Мы работаем. Спичка зажглась.

1960

МАНОЛИСУ ГЛЕЗОСУ

Ночь старается в июле быть короткой,
Но бывает час — темным-темно...
Глезос, дорогой! Отдай решетку,
Я тебе отдам свое окно.

До чего же мы с тобой родные!
Ты давно мой
                    родственник, мой брат,
Ты живи в моей
                    родной России,
А меня пусть в Греции казнят!

За твоей решеткой, как в окопе,
Вижу я (вовсю рассвет блестит) —

Греция блуждает по Европе,
О тебе с тревогой говорит.

Что ж такое на земле творится?
Справедливость будут убивать?
Лучшую в истории столицу
Трудно мне Афинами назвать.

Бедная История! Печалься,
На Балканах, как девчонка, плачь —
Вот аванс у строгого начальства
Получает греческий палач.

На два лагеря событья раскололись...
Если боремся, то, значит, мы живем,
И с тобою, дорогой Манолис,
Мы по Красной площади пройдем.

1959

КНИГА

Все ушли, и разговоры
Спрятала ночная мгла.
И ко мне в глухую пору
Книга девочкой вошла.

Здравствуй, Клава? Валя? Нина?
Вы со мной? Вы снова тут?
Пусть ко мне, как именины,
Книги новые придут.

Был я молодым когда-то,
Выбирал свои пути.
Как старался я, ребята,
В книге гения найти.

С книгой я живу как в чуде,
С волшебством, среди Москвы.
В книге — Ленин, в книге — люди,
В книге вечно — я и вы.

1962

* * *

Мне много лет. Пора уж подытожить,
Как я живу и как вооружен.
На тысячу сердец одно помножить —
И вот тебе готовый батальон.

Значенья своего я не превысил,
Мне это не к лицу, мне не идет,
Мы все в атаке множественных чисел
С единственным названием: народ!

Быть может, жил я не для поколений,
Дышал с моей эпохою не в лад?
Быть может, я не выкопал по лени
В моей душе давно зарытый клад?

Я сам свой долгий возраст не отмечу...
И вот из подмосковного села
Мне старая колхозница навстречу
Хлеб-соль на полотенце поднесла.

Хлеб-соль! Мне больше ничего не надо,
О люди, как во мне ошиблись вы.
Нет, я не в ожидании парада,
Я в одинокой комнате вдовы.

Я ей портреты классиков развешу,
И все пейзажи будут на стене,
Я все ей расскажу, ее утешу,
Прошу, друзья, не помешайте мне!

Я радость добывал, и есть усталость,
Но голос мой не стих и не умолк.
И женщина счастливой оставалась —
Я был поэтом, выполнил свой долг.

1963

ДОЖДЬ

Дождь идет. Пустяшный дождь идет.
Он — осенний, он — обыкновенный.
Дождь идет. И человек идет.
Он, как этот дождь, — обыкновенный.

Старость, торопить тебя не будем!
Ты придешь немного погодя...
Мне не бурю донести бы людям,
Донести бы капельки дождя,

Я люблю природу: звезды, тучи,
Небо наверху, земля внизу.
Ходит Блок, а рядом ходит Тютчев,
По обочине и я ползу.

Твердо знаю: как мой век ни бурен,
Мне земля видна во все концы.
Не тебе, мой друг Степан Халтурин,
Мне взрывать бы Зимние дворцы.

На спине висит походный ранец,
Выстрел из старинного ружья...
Кто же настоящий итальянец —
Гарибальди или я?

Снова, снова, снова, снова
Юность на меня глядит в упор,
Коммуниста Якова Свердлова
Так мне не хватает до сих пор!

Задыханье, а не передышка!
Нужно, чтоб опять ко мне пришел
Большевик ли старый, иль мальчишка,
Только что вступивший в комсомол.

Ежедневно утро оживает,
Ежедневно, что ни говори,
День грядущий людям раскрывает
Свой волшебный занавес зари.

Что нам дождь, он ничего не значит,
Он — обыкновенная вода,
Пусть осенние дожди поплачут,
Я заплачу знаете когда?

1962

* * *

Музыка ли, пенье, что ли, эхо ли —
Что же это зазвучало вновь?
От вокзала Дружбы мы отъехали
К следующей станции — Любовь.

Кто-то с кем-то навсегда простился,
Чей колеса затоптали след?
И над стрелочницей опустился
Свет разлуки — сумеречный свет.

Будем вместе во всеобщей давке,
Ну какой тут может быть секрет,
Если из конспиративной явки
Вышла ты, любовь, на божий свет.

Звездами планета разнаряжена,
Ночь растет, растет за часом час,
И заря в тумане ищет скважину,
Чтоб потом насплетничать о нас.

Рано еще. Чуть взошло светило.
Только-только ночь простерлась ниц,
И еще не прикасалось мыло
К неумытым лицам проводниц.

Так оно ведется год от года,
Шпал мельканье, шепот проводов,
И обогащается природа
Движущимся утром поездов.

Через все завалы снеговые,
Через летний утренний туман
Комсомольцы Западной России
Мчатся на Алтай и в Казахстан.

Пусть они ни разу не сражались,
Мне смотреть на них не надоест,
Как они воинственно прижались
К седлам бесплацкартных мест.

Юность расшумелась по вагонам.
Что это творится поутру?
Контролер отшельником казенным
Ходит в распевающем миру.

Каждый день торчу я на вокзале,
Хорошо б за тыщу верст махнуть!
Вежливо мне годы указали
Путь домой — без путешествий путь!

6 апреля 1964 года

В БОЛЬНИЦЕ

Ну на что рассчитывать еще-то?
Каждый день встречают, провожают...
Кажется, меня уже почетом,
Как селедку луком, окружают.

Неужели мы безмолвны будем,
Как в часы ночные учрежденье?
Может быть, уже не слышно людям
Позвоночного столба гуденье?

Черта с два, рассветы впереди!
Пусть мой пыл как будто остывает,
Все же сердце у меня в груди
Маленьким боксером проживает.

Разве мы проститься захотели,
Разве «Аллилуйя» мы споем,
Если все мои сосуды в теле
Красным переполнены вином?

Все мое со мною рядом, тут,
Мне молчать года не позволяют.
Воины с винтовками идут,
Матери с детишками гуляют.

И пускай рядами фонарей
Ночь несет дежурство над больницей, —
Ну-ка, утро, наступай скорей,
Стань мое окно моей бойницей!

12 апреля 1964 года

* * *

Столкновения все чаще, чаще...
Не уходит драки перегар.
Прошлое воюет с настоящим,
Спорят десятина и гектар.

Где ты, где ты, к старшему почтенье?
Презирает лампочка звезду.
И весовщики в большом смятенье —
Центнеры с пудами не в ладу.

Кепки на затылок отодвинув,
Дорогие сверстники мои
Наблюдали метров и аршинов
Страшные кулачные бои.

И казалось бы, убыток не велик-то,
Связаны мы крепкою судьбой,
Ну поди-ка разреши конфликты
Трудные — меж мною и тобой.

Как люблю тебя я, молодую,
Мне всегда доказывать не лень,
Что закат с зарею не враждуют,
Что у них один и тот же день.

19 апреля 1964 года

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Будь это гром, будь это тихий танец,
Нас уголочки всей земли зовут,
И на плечах всегда походный ранец,
И соловьи за пазухой живут.

Постой, постой, ты комсомолец? Да!
Давай не расставаться никогда!
На белом свете парня лучше нет,
Чем комсомол шестидесятых лет.

Мы и бригадой, и семьею тесной
Встречаем вместе радость и беду,
Чтоб не одну о нас сложили песню
В каком-нибудь двухтысячном году.

Постой, постой, ты комсомолец? Да!
Давай не расставаться никогда!
На белом свете парня лучше нет,
Чем комсомол шестидесятых лет.

И глубь земли, и ширь небесных странствий
Ты на высокой скорости пройдешь,
И скажет космос: «Кончилось пространство,
Куда еще ты, комсомолец, прешь?»

Постой, постой, ты комсомолец? Да!
Давай не расставаться никогда!
На белом свете парня лучше нет,
Чем комсомол шестидесятых лет.

Готова наша юность к наступленью,
Быть впереди и я и ты привык.
Не комсомольцем к новым поколеньям,
Ты к ним придешь как старый большевик!

Постой, постой, ты комсомолец? Да!
Давай не расставаться никогда!
На белом свете парня лучше нет,
Чем комсомол шестидесятых лет.

21 апреля 1964 года

* * *

Какой это ужас, товарищи,
Какая разлука с душой,
Когда ты, как маленький, свалишься,
А ты уже очень большой.

Неужто все переиначивать,
Когда, беспощадно мила,
Тебя, по-охотничьи зрячего,
Слепая любовь повела?

Тебя уже нет — индивидуума,
Все чувства твои говорят,
Что он существует, не выдуман,
Бумажных цветов аромат.

Мой милый, дошел ты до ручки!
Верблюдам поди докажи,
Что безвитаминны колючки,
Что надо сжирать миражи.

И сыт не от пищи терновой,
А от фантастических блюд,
В пустыне появится новый,
Трехгорбый счастливый верблюд.

Как праведник, названный вором,
Теперь ты на свете живешь,
Бессильны мои уговоры —
Упрямы влюбленные в ложь.

Сквозь всю эту неразбериху
В мерцанье печального дня
Нашел я единственный выход —
Считай своим другом меня!

4 мая 1964 года

СОДЕРЖАНИЕ

Светлов Михаил Аркадьевич
ОХОТНИЧИЙ ДОМИК

М., «Советский писатель», 1964, 104 стр.

Редактор **В. С. Фогельсон.** Художник **Л. Б. Подольский**
Худож. редактор **Д. С. Мухин**
Техн. редактор **И. М. Минская**
Корректор **С. С. Потресова**
Сдано в набор 4/VIII 1964 г.
Подписано к печати 3/XI 1964 г.
А 09430. Бумага $70 \times 108^1/_{32}$.
Печ. л. $3^1/_4$ (4,55) Уч.-изд. л. 2,21
Тираж 20 000 экз. Заказ № 104. Цена 16 коп.
Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10
Тульская типография Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета
Министров СССР по печати
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, д. 109